

Можно тебя навсегда

Автор:

Наталия Романова

Можно тебя навсегда

Наталия Романова

Они не должны были встретиться. Свёл случай и его несчастье.

Богдан – преуспевающий бизнесмен, нелюдимый и замкнутый, с непростым характером, после трагической гибели семьи предпочитающий жить вдали от цивилизации.

Женя – жительница мегаполиса, вынужденная рассчитывать лишь на свои силы.

Он больше не собирается связывать жизнь с единственной женщиной, сторонится детей, а она беременна...

Наталия Романова

Можно тебя навсегда

Глава 1

Богдан ещё раз сверился с адресом, записанным на мятом клочке бумаги – на первом, что попало под руку. Дом пятидесятых годов постройки, чистый подъезд с еле слышным запахом прелости, свежевывкрашенные перила, стеклопакеты на окнах и комнатные цветы на подоконниках, гремющий лифт. На

четвёртый этаж отправился пешком – в лифт зашла смурная тётка, опасливо покосилась на незнакомца, Богдан предпочёл подняться ногами, невелика нагрузка. Позвонил в дверь с аккуратными металлическими цифрами, вслушиваясь в переливы звонка.

– Кто? – раздался из-за двери женский сонный, глухой голос.

– Богдан, мы разговаривали час назад.

Послышалось гроыхание замка, на пороге появилась девушка, на вид моложе, чем Богдан предположил по голосу.

– Здравствуйте, – девушка действительно выглядела сонной.

Мятая футболка и трикотажные штаны, не менее мятые. Рыжие, вьющиеся волосы, торчащие в разные стороны, были прихвачены заколкой «крабиком», отчего вид получился ещё более лохматый. Отрывшая дверь пропустила Богдана, отойдя в сторону, бросая настороженный, оценивающий взгляд.

– Вот, – девушка прошла вглубь просторной прихожей. – Мы вешалки с Леной не делили, но, как скажете, можно эту вам, эту мне, – она показала рукой на две стандартные «икеевские» вешалки с обувницами внизу, остальное пространство было пустынным. Выключатель, зеркало – вот и всё убранство.

– Большая комната или кухня, как угодно назовите, она проходная и как бы общая.

Комната, куда хозяйка квартиры завела Богдана, действительно была «большой», на глаз – метров тридцать, а то и все сорок. Вдоль одной из стен стояла кухонная мебель, плита, бытовая техника. В центре, разделяя пространство на зоны, расположился диван с мягкими кожаными подушками, подлокотниками и высокой спинкой. Двухспальный трон, а не диван. Журнальный столик, узкие комоды вдоль стены, телевизор на кронштейне. Три широких окна, балконная дверь, межкомнатные двери – одна, в которую они вошли. Ничего лишнего, всё функционально, удобно.

– Там, – девушка взмахнула рукой в сторону одной из дверей, – моя комната, а там, – на этот раз взмахнула в сторону противоположной двери, – ваша. Пойдёмте, покажу санузел...

Показ нехитрого хозяйства трёхкомнатной квартиры с одной проходной комнатой прошёл быстро. Гостиная, она же кухня, две комнаты – хозяйская и, предположительно, Богдана, если он согласится снимать. Балкон, прихожая, небольшая кладовка, ванная комната, уборная. Относительно свежий ремонт, молочай трёхгранный почти до потолка в углу. Чисто, незахламлённо.

Хозяйка квартиры ещё в телефонном разговоре представилась как Евгения, сейчас же, после короткого кивка-согласия на аренду комнаты, уточнила – её можно называть Женя.

– Правила проживания простые. За собой убирать, покой друг друга уважать, женщин громко не водить, пятна на общем диване не оставлять, – Женя быстро посмотрела на будущего соседа, кажется, немного покраснев. Богдан предпочёл не придавать значения реплике и алым кончикам ушей.

– Хорошо, – он с трудом выдавил из себя улыбку. – Богдан, – представился ещё раз.

– Очень приятно, – Женя протянула руку, Богдан уставился на маленькую ладонь, словно та может его укусить. Встряхнув головой, ответил на тёплое, совсем не крепкое рукопожатие.

– Располагайтесь. Будьте, как дома, – Женя развела руками, как бы приглашая, развернулась и отправилась к себе в комнату, видимо, досыпать.

Богдан проводил глазами женскую фигуру. Совсем невысокая, во время разговора приходилось смотреть сверху вниз. С не самыми длинными ногами, круглыми ягодицами и оформленными бёдрами. Всё остальное скрывала бесформенная футболка и широкие домашние брюки с изображением жизнерадостных бананов. На грудь во время беседы он не обратил внимания. Он ни на что не обратил внимания, кроме, пожалуй, причёски из вьющихся волос в стиле раскуроченного гнезда. Впрочем, имей Женя внешность модели, он бы всё равно не придавал значения. Не сегодня. Не сейчас. Не на этой земле.

Зайдя в свою комнату, Богдан упал на полутораспальную тахту и закрыл глаза, не утруждая себя поисками чистого постельного белья, которое, по словам Жени, должно лежать в шкафу на верхней полке.

Ему должно было стать лучше, хотя бы немного легче, но комок из игл, стоявший в груди последние годы, обострившийся в последние дни, никак не проходил. Давило на виски, подкатывала тошнота. Просмотрев в потолок в течение трёх с половиной часов, Богдан встал, переоделся, кинул в шкаф небольшую сумку с самыми необходимыми вещами, которые он в спешке собрал, и обошёл комнату пару раз, снова осматривая новое место жительства.

В небольшой комнате – всего-то метров двенадцать – помимо тахты, шкафа, телевизора, стола и единственного стула к нему не было ничего, да и не поместилось бы. Кроме этого, имелось одно окно и череда горшков с домашними растениями на широком подоконнике.

Он решил выбраться из комнатухи-клетушки. Высокие потолки, не самая удачная планировка, кактус, занимающий угол, балконная дверь, требующая незначительного ремонта, подтекающий смеситель в ванной комнате. Не самый лучший вариант жилья, положила руку на сердце – паршивый, но Богдан ни секунды не выбирал, даже не думал. Взял первый попавшийся из предложенных и после одного телефонного разговора, суть которого он с трудом сейчас вспоминал, через один час десять минут был на месте.

К ночи застелил тахту, облегчённо вздохнув. На верхней полке, как и говорила Женя, лежало постельное бельё. Новое, ещё в упаковке. Если решит остаться – привезёт из дома. Спать на чужом, даже чистом, Богдан не хотел. В последнее время чужие постели вызывали в нём отторжение. Он скептически ухмыльнулся сам себе – давно ли стал чистоплюем?

Глава 2

После бесцельного просмотра телевизора наконец-то заснул, а проснулся от чьего-то пристального взгляда. Рядом, сидя на стуле, находилась Женя, в той же мятой широченной футболке и трикотажных штанах со скалящимися бананами.

Волосы в этот раз были расчёсаны и убраны в высокий хвост, который вился во все стороны. Солнечный луч, минуя тахту у стены, скользил по круглому лицу, аккуратному носу со вздёрнутым кончиком, придавая какой-то нежно-розовый оттенок девичьим щекам. Глаза смотрели пристально, самую малость настороженно. Аккуратный, едва заметный макияж, полноватые губы, яркие, словно немного припухшие.

- Привет, - Женя улыбнулась и наигранно помахала рукой.

- У? - нечленораздельно, вместо приветствия, пробурчал Богдан. Вот уж кого не ожидал встретить у своей постели, так это хозяйку квартиры. Интересно, она всегда такая бесцеремонная или для него сделала исключение?

- Я там ем, пытаюсь есть, во всяком случае, - улыбнулась Женя.

- Приятного аппетита? - солнечный луч соскользнул со щеки говорящей и устремился прямо на лицо Богдана, пришлось сощурить глаза.

- Я подумала, может, ты тоже хочешь?

- Спасибо, - Богдан с трудом сдержал раздражение, мотнул головой. Он хотел спать и никого не видеть, а ещё лучше - сдохнуть, чтобы не чувствовать больше выкручивающей суставы боли, мучившей его не первый год. Сейчас же, по возвращению в Москву, эта боль не давала дышать, думать, разрывала аорту, загоняла раскалённый кол в сердце и давила, давила, давила, оставляя на поверхности лишь одно желание - сдохнуть.

- Богдан?

- Чего? - он накрыл лицо подушкой. Твою мать! Что ей надо?!

- Пойдём, поедим? - голос звучал совсем робко, будто извиняясь, от этого злость накатывала ещё сильнее.

Богдан в раздражении сел, машинально прикрывая пах одеялом. Спал он в трусах, стыдливостью не страдал, но утро есть утро, даже ближе к обеду. Стояк никто не отменял, любопытные взгляды его не интересуют. Не сейчас.

– Спасибо, – проговорил он по слогам. – Спасибо, я не голоден, – последнее не отчеканил, а выплюнул, скрипнув зубами от раздражения.

– Ты приехал вчера до обеда, сейчас обед следующего дня. Не ел, не выходил никуда, чтобы можно было подумать, что был в кафе. Понимаешь, я не могу сидеть и есть, зная, что человек голодает.

– Женя, я не голодаю, – она будто испытывала его терпение, нарывалась на скандал, а то и специально провоцировала. Мало ли что на уме у этой ненормальной. Богдан ничего не знал о девушке, сидевшей рядом с его постелью.

– Пусть так, но я-то всё равно не могу есть, – Женя наигранно вздохнула. – В моём положении нельзя голодать, – добавила она и посмотрела с вызовом на Богдана.

– Даже так, – Богдан окинул оценивающим взглядом хозяйку квартиры. Лишь сейчас он обратил внимание, что широкая футболка скрывает небольшой, но довольно очевидный живот, который не припишешь крепкому телосложению, как круглый зад или оформленные, широкие бёдра.

– Раз в твоём положении, тогда, конечно, сейчас приду, – он замолчал, ожидая, когда Женя уйдёт, но она продолжала сидеть и с каким-то нездоровым вниманием разглядывать Богдана. – Может, ты выйдешь? – с большим трудом удалось сдержать раздражение.

Вот напасть! Теперь-то что? Навязчивая или просто дура?

Ели молча, вернее, Женя ела, а Богдан смотрел в тарелку, размазывая макароны с сыром, гоняя три несчастные фрикадельки по керамике. С трудом пересилив себя, он съел половину порции, бросая взгляды на сосредоточенную Женю, время от времени скользившую взглядом по нему. Просто перекрёстная война какая-то.

Нелепость. Что он вообще делает в этом доме? В чужой квартире, с посторонней беременной женщиной? Зачем ему это нужно? Легче не становится, да и не станет. Возможно, никогда в жизни.

Всё, что нас не убивает – делает сильнее. Злее, несчастнее, и продолжает убивать каждый час адового существования. Об этом не говорят. Об этом умирающие каждый день своей жизни молчат.

Глава 3

– Ты кто? – Богдан нахмурился, услышав вопрос.

– Ты видела паспорт?

– По национальности, я имею в виду... – Женя поперхнулась, словно ей неловко спрашивать о подобном. В общем-то, справедливо неловко.

– Русский, – отрезал Богдан.

– У меня имя русское, фамилия, прописка московская. Какие-то вопросы?

Богдан понимал, откуда растут ноги у вопроса. На русского он не похож, от славянского в нём лишь имя. Вот такая игра генетики. Мать – типичной европейской внешности. Русоволосая, голубоглазая, с овальным лицом, прямым носом. Отец – так же, отличается только размахом плеч и высоким ростом, передавшимся по наследству Богдану.

А от прадеда по материнской линии, талыша, которого он не видел никогда в жизни, досталась «этническая» внешность. Или от кого-то другого с той стороны. Богдан почти ничего не знал ни о прадеде, ни о родственниках, ни о самом народе. Со стороны отца в роду у Богдана были литовцы, однако он не родился блондином среднего роста с синими глазами.

– Мой прадед – талыш, – тщательно прожевав фрикадельку, ответил Богдан. – Если ты спросишь, кто это, я посоветую открыть википедию, я знаю ровно столько же.

– Ясно, – пробубнила Женя. – Прости.

– Ничего, – отмахнулся он.

Через полчаса он выбрался на улицу. Накрапывал противный дождь, ветер срывал с деревьев последние жалкие листья, сдуру цепляющиеся за жизнь, пусть и под пронизывающими насквозь порывами. Звякнул телефон. Богдан посмотрел на экран, покорно, где-то обречённо набрал номер.

– Да, мама, приеду, – пообещал он.

В ближайшем магазине купил пачку сигарет, выбрав «мучительную смерть», ухмыльнулся, закурил, выдохнул струйку дыма и поднёс телефон к уху. Нужно поговорить с Ёлкой Ермолаевой, той самой, что жила до него в комнатухе двенадцати метров и ходила в уборную, минуя угол с гигантским молочаем.

С Ермолаевой он учился в институте. Два года у них было подобие романа, сводящегося к койке и смелым сексуальным экспериментам, на которые идут не от большого ума, а потом они тихо-мирно разошлись, без взаимных претензий и обид. Всё это время Ёлка работала агентом по недвижимости, сейчас каким-то чудесным образом извернулась и купила отличную квартиру в хорошем районе. Она-то и «сосватала» комнату, когда Богдан позвонил ей после трёх неудачных звонков о сдаче жилья внаём.

Почему он не уехал в гостиницу из душившей его квартиры, где каждый сантиметр выворачивал душу наизнанку, делая из сердца отбивную, сейчас Богдан не понимал. Грёбанный ад! У него есть деньги на гостиницу, он мог свалить на родительскую дачу, квартиру бабушки по материнской линии, мог, в конце концов, остаться в доме детства, но он оказался в неустроенной трёшке, наедине с чужой беременной женщиной.

Ёлка трубку сняла сразу, словно готовилась к звонку, и начала с коронного: «Не начинай только!». Девчонке деньги нужны, рожать через четыре месяца. Родители в Подмоскovie, в контрах с дочерью – кому понравится, что девица без мужа рождает.

Квартира Жене от бабушки досталась, вот Ёлка и предложила сдавать комнату, пока ребёнок не родится, сама пожила из дружеского участия, только у Ермолаевой личная жизнь «и вообще». Кого попало не пустишь, Богдан отлично подвернулся под руку.

- Тебе всё равно на четыре месяца только. Всё отлично складывается. Прямо в тютельку утрамбовывается. И вообще, от конторы твоего отца семь минут пешком. На бензине сэкономишь.
- Я, по-твоему, нуждаюсь в том, чтобы экономить на бензине?
- В экономии нуждаются все, даже ты, а особенно Женя. Будь человеком, поживи четыре месяца! Реально, кому она сдаст? Вдруг маньяк, псих, туберкулёзник! Что тебя останавливает?
- С какой радости я о какой-то Жене думать должен, Ёлка?
- Ни с какой. Из человеколюбия! Что такого-то? Она тихая, мышь не обидит! Бабу приведёшь – слова не скажет.
- Ермолаева...
- Богдан!
- Вот сука!
- Спасибо, спасибо, спасибо!!! Я что угодно для тебя сделаю! Хочешь, прямо сейчас сделаю?!
- Не нуждаюсь, – прорычал он в трубку, открыл машину и отправился по делам.
- Вот же грёбанный ад...

Глава 4

Ужинал у родителей, всё ещё живущих под одной крышей. В честь приезда блудного сына мать устроила показное торжество, созвав многочисленных родственников и друзей. Никто, по большому счёту, никого не желал видеть.

Собрались ради Богдана, и от того было ещё паршивей. Натянутые улыбки, дружеское похлопывание по плечу: «Рад видеть, бро», опущенные глаза вкупе с любопытными взглядами. Чужая трагедия порождает нездоровое любопытство. Богдан знал это наверняка.

Если с липкими взорами, оставляющими склизкий след на собственном теле, Богдан смирился, принял безоговорочно, как часть расплаты за вину, то ситуация в родительской семье выбивала почву из-под ног. Собственно, эта ситуация и была причиной, по которой Богдану пришлось возвращаться в Москву и снова окунаться в ненавистные ему будни.

После почти сорока лет совместной жизни родители развелись. Уму непостижимо! Театр абсурда!

Шестидесятилетний бывший партфункционер, ныне ресторатор средней руки, твёрдо стоящий на ногах, Усманов Павел Петрович – отец Богдана, – уходил из семьи по банальной до зубного скрежета причине – молодая любовница. Моложе двух старших детей. Чем привлекла стареющего, лысеющего и расползающегося в животе двадцативосьмилетняя обладательница силиконовой груди, догадаться несложно, несмотря на горячие уверения отца в последней любви и искренних чувствах Танюши.

Супруга Усманова, Валентина Эдуардовна, тяжело переживала взбрык муженька, а ещё больше – за собственное финансовое состояние и благополучие своих детей. Прихоть старого сластолюбца рано или поздно сойдёт на нет, а вот с Танюши станется родить ребёнка, законного наследника бизнеса Усманова, движимого и недвижимого имущества. И вот это не вписывалось в представление Валентины Эдуардовны о справедливости.

За годы брака Усмановых появилось трое детей. Старшая Вика, выскочившая замуж «по залёту» за хиленького предпринимателя, добившегося относительного успеха исключительно благодаря тестю, владелица нескольких салонов красоты, не приносящих серьёзных доходов. Вика по образованию и призванию была художницей, закончила Суриковское училище, но карьеры не сделала, предпочтя материальные блага служению музам.

Всеми любимая младшая Маришка, которую в расчёт-то брать смешно. Девятнадцатилетняя студентка второго курса иняза, избалованная, изнеженная,

инфантильная домашняя девчонка, чьи проблемы начинались цветом маникюра, а заканчивались формой бровей.

И тридцатипятилетний Богдан, собственной персоной. Единственный отпрыск Валентины Эдуардовны из троих, способный принимать решения, адекватно мыслить, обуздать свалившиеся на головы Усмановых проблемы.

Валентина Эдуардовна, несмотря на то что находилась в статусе домохозяйки, была женщиной неглупой, и постелила соломки на подобный случай ещё пару десятилетий тому назад, оформив большую часть недвижимости и половину бизнеса на себя. Казалось бы, проблема решена до появления, только закон в стране «что дышло, куда повернёшь, туда и вышло», а повернуть обманутой жене нужно в полное и безоговорочное владение всем, что нажили Усмановы почти за сорок лет.

Павел Петрович не отставал, тянул одеяло на себя, находясь в глухом военном положении не только с почти бывшей женой, но и детьми, дойдя до абсурда – проживая в одной квартире с супругой. Танюшку, понятно, половина имущества не устраивала, Павел пытался отстоять свои шестнадцать аршин.

За всем этим абсурдом наблюдали родственники и друзья, поделившиеся на противоборствующие кланы, вспоминая обиды десяти, двадцати, а то и пятидесятилетней давности.

У матери был простой в своей гениальности план. Богдан выкупает причитающуюся отцу часть бизнеса, всё остаётся в руках Валентины Эдуардовны – вернее, Богдана. Заодно он выползет, наконец, из своего добровольного заточения в Тьмутаракани, бросит дурить, займётся делом, приносящим ощутимый доход.

Посчитав стоимость активов, Богдан пришёл к выводу, что выкупить половину бизнеса отца он может, вот только ему не нужна ни эта половина, ни вытекающие отсюда обязательства.

Оставалась надежда на добрую волю с обеих сторон почти бывших супругов или на примирение, что тоже не исключалось. Танюша не первая «последняя любовь» Павла Петровича, а если фармацевтическая промышленность позволит – не последняя.

Глава 5

– Мам, я пойду, – Богдан зашёл на кухню после того, как гости начали расходиться, оставались только свои: сёстры и самые близкие друзья семьи.

– Ты погляди на него! – мать громыхнула фарфоровым блюдом. – Сообщения он строчит своей проститутке!

– Зачем ты живёшь с ним? – Богдан посмотрел на мать. Невысокая, полная, с короткой стрижкой, несмотря на достаток, похожая на тысячи своих сверстниц, не имеющих и сотой части её возможностей.

– А где мне жить?

– На Бурденко, – Квартира, доставшаяся матери от покойных родителей.

– Я ещё в ремонт должна вкладываться? Переезжать куда-то? Оставлять всё для него с мерзотой?

– Нет, продолжать себе нервы портить.

– Это мой дом, и я никуда отсюда не уйду!

– Ладно, хорошо, – в словах матери была своя правда, в действиях отца – своя. Богдану не хотелось принимать ничью сторону, невольно же ему становилась близка позиция матери.

Какого чёрта? Решил променять шестидесятилетнюю жену на тридцатилетнюю любовницу – будь мужиком, уйди достойно.

– Я пойду, – напомнил он, зачем зашёл на кухню.

– Где ты остановился? – спохватилась Валентина Эдуардовна. – Живи здесь, место есть.

– Квартиру снял, – соврал Богдан.

– Зачем деньги тратишь? Дома живи, раз там... – мать запнулась на полуслове.

– Уволь, – Богдан сморщился. – Сам разберусь. Всё хорошо, не переживай за меня.

– Давно пора продать квартиру, купить другую, начать жить с чистого листа, – неслось ему в спину, пока он обувался в прихожей, громко попрощавшись с оставшимися гостями.

Богдан вышел на просторную лестничную площадку, две квартиры разделял вестибюль с лифтами, глянул на бегущие цифры и отправился вниз пешком. Организму требовалось движение, в последние годы Богдан жил в другом режиме, отвыкнув от гиподинамии.

Ниже этажом, между лестничными пролётами, слышался голос Вики. Она выскочила с подругой Лизой, неизвестно зачем притащившейся на большой семейный сбор Усмановых. Хотя... почему неизвестно? Дураку понятно, зачем. Вопрос лишь в том, является это личной инициативой сестрицы или матери тоже.

Лиза – то ли ровесница Богдана, то ли младше или старше на пару лет, – несколько лет назад развелась, сейчас находилась в активном поиске мужа. Когда-то давно у них случился скоротечный роман, закончившийся ничем, даже до постели не дошло. Богдан встретил Яну, полностью захватившую его внимание. Теперь он свободен, Лизе необходим мужик. Часики не тикают, а бьют в набат, почему бы женской части семейства Усмановых не подсуетиться в этом направлении?

Лиза – не предел мечтаний дам Усмановых, – родом из провинциального городишки на севере России, с родителями пролетарского происхождения, ипотечным кредитом, доставшимся в наследство от брака. Похоже, они готовы на мезальянс, лишь бы оставить брата и сына в Москве и пристроить в добрые женские руки.

- Как думаешь, если сама ему позвоню? - услышал Богдан голос Лизы, невольно ухмыльнулся.

- Как ты ему объяснишь, откуда у тебя его номер? - ответила Вика.

- Ты дала.

- Представляю его радость, - Вика скептически тянула гласные.

- Тогда приеду в обеденный перерыв к офису и...

- Адрес и время подсказать, Лиза? - Богдан остановился рядом и в упор посмотрел на женщину.

А она ничего, не на пустом месте он когда-то запал на неё. Достаточно рослая, длинные ноги, высокая грудь, стильная причёска. Естественно, не обходится без женских ухищрений, там подтянуть, здесь подчеркнуть, но кто идеален, чёрт возьми?

- Подскажи, - Лиза не смутилась, ответила на прямой взгляд.

Богдан усмехнулся, подсказал время, когда будет в офисе, напомнил адрес и даже название ресторанчика на другой стороне улицы, куда они могут пойти в это время суток. Кухня приличная, место камерное, не пафосное, если будет тепло, можно устроиться на летней веранде.

- Вы бы окно открыли, - кинул он сестре, показывая взглядом на зажжённую сигарету в её руках и пожарную сигнализацию на потолке.

- Отключили полгода назад, - бросила Вика и выпустила тонкую струйку дыма.

Богдан в это время развернулся и направился вниз.

Прежде чем тронуться с парковки, долго смотрел в лобовое стекло. Осень вступала в свои права, срывала яркие листья с деревьев, накрапывала дождём, а потом сменялась тёплой погодой, давая москвичам вернуться в летние деньки.

На ещё не жухлом газоне жирный ленивый голубь что-то выковыривал из земли, но улетел, когда на чёрную ограду приземлилась ворона, явно претендуя на добычу голубя.

В центре двора раскинулся детский городок: горки всевозможных форм, качели, избушки и песочницы. Дети, занимающиеся своими делами, мамы, приглядывающие вполглаза за отпрысками, но больше болтающие с товарками. С трудом удалось проглотить тугой комок, отвести взгляд и отправиться домой. Вечерние пробки и бодрый голос на FM-волне отвлекли от желания выжать газ в пол и закончить свою бессмысленную, тупую жизнь на дне Москва-реки.

Глава 6

Богдан пил отвратительный растворимый кофе на собственной кухне, куря одну сигарету за другой. Куда бы ни падал взгляд, где бы ни останавливался, становилось лишь больнее и больнее. С каждым глотком чёрной отравы, каждой затяжкой – больнее. Он не изменил ничего с того самого дня, не передвинул мебель, не выкинул ни одной вещи. Квартира – склеп.

Яну он встретил до банального просто. Богдан работал на отца, считая семейный бизнес своим. Вика училась в Суриковском, её вечно захламлённая комната была скорее мастерской, чем жилым помещением, Маришка ходила в третий класс, занималась языками с репетитором. Кому впоследствии рулить делами? Очевидно – единственному сыну.

Хостес в новом, только отрывшемся ресторане сразу приковала внимание Богдана. Девушка с копной светлых волос, узкими бёдрами, длинными ногами, стоячей грудкой. Она шла впереди Богдана, держа в руках меню, а он не мог оторвать взгляда от бёдер в узкой юбке, длиною до колена. Скромно и одновременно вызывающе.

Он пригласил Яну на свидание сразу, получил благосклонное согласие, понимая, что причина не в его сногшибательной харизме, а в статусе владельца заведения. Переспали они той же ночью в её съёмной комнатухе со скрипучим диваном, допотопным трюмо и развалюхой-шкафом вдоль обшарпанной стены. Богдан помнил чувство полёта, когда он курил на балконе, смотря сквозь стекло

на спящую блондинку, растрёпанные волосы, бесконечные ноги.

Их отношения никогда не были безоблачными, но определённо счастливыми. Или память настолько жестокая тварь, что стирает негатив, заставляя заживо гнить под спудом потерянного навсегда счастья?

Ведь они конфликтовали, и часто; порой расставались, уходили, хлопнув дверью – то он, то она. Изменяли, злились, строили планы мести, мирились, трахались как обезумевшие, пережравшие афродизиака кролики, снова разбегались.

Официально отношения с Яной он оформил, увидев две полоски на тесте, брошенном ему в лицо. Тогда он подумал – она забеременела специально, чтобы отворожить от безумной, на взгляд всех окружающих, идеи – собственное коневодческое хозяйство. Вернуть в Москву к стабильной прибыли, растущему бизнесу, перспективным планам и хорошим деньгам. Подумал, вслух не произнёс и от проекта не отказался.

Яна с ним в Хакасию не поехала, он отлично понимал, почему. Не для того она рванула из замшелой станицы на Кубани, чтобы бросить столицу ради сомнительной прихоти мужика, на которого потратила годы жизни. Понимал, но упорно надеялся на лучшее, на сохранение брака, на призрачную возможность усидеть на двух стульях. Охватившая всё его существо мечта с одной стороны и женщина, которую он любил, несмотря ни на что, с другой.

Он мотался в Москву каждый месяц, веря, что рано или поздно убедит жену перебраться, хотя бы до первого класса дочки. К тому времени хозяйство встанет на уверенные рельсы, его личное присутствие не будет остро необходимо.

Соучредитель – владелец четверти проекта – через несколько лет поднатореет, будет справляться самостоятельно. Двоюродному брату, москвичу, незачем возвращаться на родину. Сын учительницы и таксиста не имел особенных перспектив дома. Продажа чудом доставшегося участка земли в ближайшем Подмосковье и совместный проект с Усмановым-младшим – счастливый билет в безбедное будущее.

Яна то соглашалась, то отказывалась перебираться. В итоге сошлись на том, что в год дочери она переедет. Богдан согласовывал постройку просторного дома, чтобы жена и дочь ни в чём не нуждались, когда в одно мгновение его жизнь перевернулась.

Сегодня он выбирал участок для жизни, а завтра для двух могил – Яны и дочки Аришки.

Спать не мог, не из-за кофе, из-за атакующих воспоминаний и чувства вины, видя один выход – шагнуть в окно, а этого он не сделает никогда, раз не шагнул в день похорон. Решить всё разом – незаслуженно милосердно к себе.

Справедливее жить и каждый грёбаный час помнить о том, что если бы не его идиотическое упрямство, Яна никогда не осталась бы одна в большом городе, не села за руль, чтобы отвезти Аришку на очередной приём к педиатру, и не влетела под встречную машину...

Закономерный итог никчёмной жизни Усманова Богдана Павловича.

Глава 7

Жить в просторной квартире, среди воспоминаний, Богдан попросту не мог, продать тоже – подобной милости он себе не позволит. Оставалась раздолбанная квартира на Бурденко, родительская дача, гостиница, хотя бы на первое время. Или вернуться в комнатушку в большой, нефункциональной квартире с беременной хозяйкой...

В любом случае, необходимо туда съездить, Богдан оставил там вещи, главное – паспорт и ноутбук.

Дверь открывал своим ключом в полной уверенности, что Женя спит. Два часа ночи, любой нормальный человек видит пятый сон в это время. Однако в гостиной-кухне горел свет.

Рядом с диваном появился невысокий столик с водружённой современной швейной машинкой, за ней корпела Женя, сосредоточенно следя за строчкой.

Вокруг валялись лоскуты разноцветной ткани, пуговицы, ножницы, нитки. Абсурдная картина на самом деле. Москва, двадцать первый век, женщина, выводящая строчки на швейной машинке.

- Что ты делаешь? - он встал рядом, переводя взгляд со всклокоченной макушки с небрежным пучком на руки, придерживающие голубую тряпицу.

- Ай! - Женя подскочила, задев ногой кривенький стол, хватая обеими руками живот в оберегающем жесте.

- Прости, - Богдан машинально подхватил запнувшуюся, мягко удержал и автоматически погладил по плечам, краем сознания отмечая, какая она крошечная.

Не худая - телом он почувствовал мягкую, вовсе не маленькую грудь и живот, - а всё же впечатление, что в его объятиях кроха, было острым и неправильным. Он убрал руки, убедившись, что Женя уверенно стоит.

- Нет-нет, ничего. Я сейчас всё уберу, я быстро, - засуетилась она, собирая тряпочки в потёртый полиэтиленовый пакет, туда же бросая катушки ниток.

- Зачем? Мне не мешает, шей, если хочется, - Богдан пожал плечами.

- Вроде как... общее пользование. Просто там неудобно, - она показала рукой на дверь в свою комнату. - Не думала, что ты придёшь сегодня, - продолжала она бубнить. - Сейчас! - Женя рванула вилку из розетки и подхватила машинку, намереваясь отправиться в комнату.

- Давай сюда, - Богдан забрал ношу и направился без приглашения в комнату Жени.

Не хватало ещё, чтобы на его глазах беременные таскали тяжести. Машинка оказалась лёгкая, белый пластик и близко не напоминал старый Зингер в квартире бабушки.

Комната Жени оказалась просторнее снятой Богданом. Со старой, со времён Союза, мебелью - лакированным столом-книжкой у окна, заваленным книгами,

журналами по рукоделию, ящичками с мелочью для шитья, кроватью с такими же лакированными спинками, с цветастым покрывалом определённо ручной работы.

Легко поверить, что квартира принадлежала бабушке Жени, из достижений современности в ней лишь относительно новый кухонный гарнитур, диван в гостиной, телевизор на стене и швейная машинка.

– Куда поставить? – он вопросительно посмотрел на неуверенно топтавшуюся в дверях Женю. Только сейчас он обратил внимание, что на ней надето нелепо короткое, широкое платье в чудовищный, ярко-синий горох. Машинально глянул на полноватые голые ноги, отметив их стройность для телосложения и положения женщины, и тут же перевёл взгляд на лицо.

Чёртов ад! Ещё на ноги беременных баб он не смотрел!

– На тумбочку, – Женя показала на допотопную тёмную тумбочку у кровати, напоминающую мебель в спортивном лагере, куда Богдан ездил в детстве.

– Хорошо.

Он быстро поставил машинку и стремительно вышел из комнаты, тут же отправляясь в свою.

На тахте его ждал сюрприз – лежавшие ровной, аккуратной стопочкой купюры. Ровно столько, сколько он заплатил за проживание за месяц и залог.

– Жень, а это что? – он вернулся в гостиную, там хозяйка квартиры – уже в трикотажных штанах и бесформенной футболке – продолжала собирать тряпичное богатство.

– Ну, – она уставилась на Богдана, как перепуганный олень в свете фар. – Ты ведь не будешь здесь жить... вот.

– Почему? – он подошёл ближе к Жене, смотря сверху вниз, не совсем понимая, что происходит.

– Тебе же всё это, – она обвела рукой пространство, – подходит, как корове седло.

– Про коров я знаю немного, а с сёдлами знаком.

– Чего?

– Мне подходит, – он вложил деньги в тёплую ладошку Жени. – Рядом работа, парк, о парковочном месте сегодня договорился, невероятная удача, сама понимаешь. Мне определённо подходит. Или ты передумала мне сдавать? Я не подхожу?

– Нет. То есть да! Подходишь, оченьходишь! – тут же взвизгнула Женя, сжимая деньги.

– Отлично, – он невольно улыбнулся, смотря на кругловатое лицо с ямочками на щеках. – А что ты шила? – спросил просто так, вдруг захотелось поговорить, а темы иной не придумалось.

– Кроша.

– Чего?

– Крош из Смешариков. Голубой кролик.

– Кролик-гей? – толерантность шагает по стране семимильными шагами...

– Просто голубой! – засмеялась Женя. – Сейчас! – рванула она в свою комнату.

Женя вернулась, держа сшитые очертания кролика, во всяком случае, по ушам можно было заподозрить мультяшное млекопитающее семейства зайцевых. Будущая тряпочная игрушка.

– Потом времени не будет шить, – пояснила она. – Да и нервы успокаивает.

– Красиво, – Богдан задумчиво крутил тряпочку в руках, приподнимал по очереди уши, в кончиках которых шелестело, а на месте пуза был вшит зеркальный винил.

– Хочешь, подарю, когда дошью?

– Думаю, тебе нужнее, – Богдан улыбнулся и вернул недошитую куклу Жене.

Для чего ему тряпичный Крош? Ребёнку Жени придётся в самый раз.

Глава 8

Богдан ходил по кабинету, не находя себе места. Вот почему он уехал из Москвы – слишком тесно, слишком шумно, людно. Он никогда не был мизантропом или интровертом, просто в какой-то момент до смерти устал, а сейчас вспоминал, от чего именно.

Новый кабинет Богдана был просторным, выходил окнами на проспект и парк напротив. Как представитель совладельца, он, не церемонясь, подвинул начальника отдела кадров, отправив того в узкую конуру, изначально выделенную отцом родному сыну.

Светло, высокие потолки, миловидная молоденькая секретарша под боком. Радуйся жизни, Усманов!

– Богдан Павлович, к вам... – на пороге появилась секретарша Алина. Хорошенькая, ресничками умильно хлопает, губки пухлые сложила бантиком, волосы покрашены... как-то же этот эффект называется, с якобы отращёнными корнями. Вдруг подумалось, будь жива Яна – он бы точно знал.

– Я тут хозяин! – прогремел за спиной Алины Павел Петрович, заставляя бедняжку побледнеть даже под слоем косметики.

– Всё хорошо, Алина, – Богдан успокоил девчонку, отошёл в сторону, пропуская отца, показал взглядом, что ничего не нужно и тут же закрыл дверь, отделяя

кабинет от приёмной.

- Чего персонал пугаешь? – усмехнулся Богдан, усаживаясь в кресло во главе стола.

- Пусть знает своё место!

- Она знает, – Богдан повёл плечом. Что за манера ставить на место любого, кто попадает под руку, к месту и не к месту, словно на всякий случай, будто секретарша или уборщица случайно забудут, на кого работают.

- Каждый должен знать!

- Бесспорно, – Богдан ухмыльнулся.

- Вот и ты помни, где твоё место!

- Провалами в памяти не страдаю.

- Тогда встал и пошёл отсюда вон!

- Мне доверенность снова показать? – Богдан откинулся на спинку кресла и посмотрел на отца. Неплохо сохранился для своих шестидесяти. Да, расползся, полысел, обрюзг, но в целом – домашний жирный голубь, не орёл, но тоже тварь пернатая.

- Я, по-твоему, не помню, что ты здесь по доверенности моей звезданутой жены?!

- Ты выражения-то выбирай, – Богдан встал, быстрым шагом подошёл к окну, упёрся руками в подоконник, а взглядом в отца. – Тебе она, может, звезданутая жена, а мне мать.

- Да какая она мать?! – набрал воздух в лёгкие Павел Петрович. – Воспитала на мою голову! Одна ерундой страдает со своими салонами, месяца не проходит без «папа дай». Вторая такая же «папа дай», то куртку, то туфли, то институт оплаты. Ты отхапать собрался всё, что я наработал, ночами не спал!

- Положим, ночами ты не спал по другой причине, а что и как наработал, покажет аудит.

- Ты хоть понимаешь, какой это удар по репутации компании?

- Я всё отлично понимаю, - Богдан сохранял внешнее хладнокровие, несмотря на единственное желание: послать к чертям всех Усмановых, с отца начать, троюродным пращуром закончить.

За сам факт наличия любовницы Богдан отца не осуждал, понял лет в двадцать, лезть не в своё дело - себе дороже. У кого нет любовницы? Моногамия - непочитаемая нынче добродетель. Однако, всему своё место. Семья - семьёй. Любовница - любовницей. Не нужно смешивать мух и котлеты. Смешал? Ешь, не жалуйся, мол, невкусно.

- Пойдут слухи, разговоры, всё это бесполезно для бизнеса, - шипел Павел Петрович.

- Слухи и разговоры идут давно, с того самого дня, как ты не удержал свой стручок, впихнув Танюшке.

- А вот это не твоё дело!

- Не моё. А внешний аудит - моё. Дверь - там.

- Ты заплатишься! - снова громыхнул отец и выскочил, пронёсся мимо перепуганной Алины.

- Алина, кофе, будь добра, - на выдохе попросил Богдан и тихо закрыл дверь в кабинет.

Снова уставился в монитор, в попытке сосредоточиться. Мысли крутились не вокруг ресторанной деятельности, на херу бы он крутил этот бизнес...

Глава 9

Все мысли были в Хакасии. Он нажал пару кнопок, снова открывая отчёт Егора, где каждая цифра, запятая, каждый знак значил для Усманова Богдана целую жизнь. Помимо кумысного производства – основного источника дохода коневодческого хозяйства, – было ещё рысистое направление – выращивание, селекция рысистых пород скаковых лошадей. Потенциальная потребность в породистых рысаках на рынке сегодня почти не удовлетворена. Дело перспективное, но держащееся последние десятилетия на энтузиастах, одним из которых и был Усманов Богдан Павлович.

Ресторанный бизнес? Ресторанный бизнес переживёт без его участия. Так он искренне считал до последнего месяца, сейчас же сидит, разбирается с лимитом кредита у постоянных поставщиков, перекраивая заново кривоугольную систему, построенную отцом. Последнее время тот не уделял внимания делу, пустил на самотёк. Назначил управляющей Танюшу – девицу с образованием сельской школы, единственным внятным достоинством которой была грудь. Да и то... Мода на выпяченные шары давно прошла, а последствия оставляли желать лучшего.

Весь бизнес отца, внешне и по содержанию, напоминал сиськи его любовницы. Выпяченный, раздутый, требующий оперативного вмешательства, чудовищно неэффективный.

– Ваш кофе, – перед столом возникла Алина. Богдан показал взглядом, куда поставить чашку и выпроводил секретаршу из кабинета.

– Богдан Павлович? – Алина топталась в дверях, неуверенно поглядывая на руководство.

– Слушаю.

– Можно мне домой?

– Который час?

– Восемнадцать пятнадцать.

– Алина, шесть вечера есть – иди домой. В случае необходимости, я попрошу задержаться, – Богдан уткнулся в цифры, будь они неладны.

– Спасибо! – подпрыгнула секретарша, через секунду девчонку как ветром сдуло.

Месяц назад она работала в приёмной Танюши, несколько раз была близка к увольнению. В любовнице Павла Петровича разгулялся синдром уборщицы, третируя исполнительную студентку последнего курса института почём зря. Алина не была семи пядей во лбу, но и должность её не подразумевала инициативы. По сравнению же с Танюшей девчонка и вовсе казалась образцом смекалистости, интеллекта и академического образования.

Юбочка чуть выше положенного, мелькающая целый день перед глазами Богдана, наводила на определённые мысли. Он не мечтал прогнать двадцатидвухлетнюю девчонку, расплатать на столе и жёстко оттрахать, но в сексе нуждался. Как нуждается человек в пище или воде. Простая потребность здорового организма. Богдану же на темперамент жаловаться не приходилось никогда в жизни.

После гибели жены Богдан почти год не смотрел на женщин. Не то чтобы верил в загробную жизнь, верность после смерти или что-то в этом роде. Даже религия освобождает от уз брака после смерти одного из супругов, а он не был религиозным. Однако, на женщин смотреть не мог, подспудно сравнивал с Яной, всегда не в их пользу, пока однажды природа не взяла своё.

Маленький хакасский посёлок – не то место, где можно завести любовницу «для здоровья», ограничивая отношения материальным вознаграждением за секс. Слухи, сплетни, обманутые ожидания – Богдан не хотел ничего из этого.

Полтора бара в соседнем городке тоже не решали проблемы. Посетители одни и те же, женщин мало, а те, что отираются в подобных местах... Правая рука предпочтительней и безопасней, от неё точно ничего не подцепишь.

С Аллой он познакомился на обучении в Абакане, технолог кумысного производства. Ровесница, дважды разведена, двое детей, мальчишки. Ничего примечательного во внешности и характере, без иллюзий, главное –

чистоплотная. Богдан сразу оговорил – никаких намёков на серьёзную связь. Отношения ему не нужны, чужие дети – тем более. К его персоне прилагалось материальное вознаграждение, хоть натуральными продуктами – а в посёлке всего было вдоволь, – хоть деньгами, ремонтом, незначительной мужской помощью по хозяйству.

Алла вняла, быстро подстроилась, решив, что лучше такой мужик, чем никакого. После того, как Богдан отправил за свой счёт её пацанов в лагерь отдыха на Чёрном море, и вовсе решила, что неделя, в общей сложности, жёсткого секса в месяц – не непомерная плата за финансовую поддержку.

Богдан больше месяца жил в Москве, ровно столько же без секса. Казалось бы, вот где нет проблем со знакомствами, хоть на час, хоть на год, но не складывалось. Испарился навык общения с женщинами. Не верилось, что когда-то он мог подцепить почти любую, отыметь через пару часов знакомства, наутро не вспомнив имени, а через неделю – обстоятельства знакомства.

Алла не в счёт, с ней он почти не разговаривал, решал мелкие текущие проблемы, давал некрупные суммы денег и молча трахал, не слишком-то утруждая себя общением и ласками. Целовал – и то редко, лишь видя похотливый взгляд и полуоткрытый, просящий рот.

Поверхностные знакомства он перерос, понимал, что нуждается в подобии постоянства, а снимать проститутку – увольте. Навертеть на собственный член букет из бактерий, микробов, вирусов не хотелось, и обычная брезгливость не давала смотреть в ту сторону.

Сообщение на телефоне отвлекло, Богдан скосил взгляд. Гора упорно шла к Магомеду. Лиза не оставляла попыток окрутить брата подруги. Они встретились один раз, на следующий день после короткой беседы на лестничной площадке, тогда Богдану показалось, Лиза поняла бесперспективность отношений с Усмановым-младшим. Он дал понять, в продолжении не заинтересован, в январе возвращается в Хакасию, дела.

Накануне прошёл день рождения племянника Максима, младшего сына Вики. Пацанёнок был под впечатлением от студии красок, куда пришли его шестилетние друзья, под руководством аниматоров они красили всё, что попадётся по руки. Взрослое, отложенное на вечер празднование его не

интересовало.

Там же оказалась Лиза, решившаяся на ещё один подход, не дваяко намекнув на продолжение вечера в интимной обстановке. Богдан задумался, задержал взгляд на ложбинке между грудей, что не ускользнуло от внимания женщины. Заинтересованность считывается на рефлекторном уровне, почти интуитивном.

И вот сообщение, якобы случайно проходила мимо. Завернула на два с половиной часа пути в одну сторону. Богдан взял телефон в руку, задумчиво повертел. Лиза – не Алла. Мешком картошки за минет не рассчитаешься, молча трахать за материальные подачки не выйдет.

– Лиза? – после двух гудков услышал он знакомый голос. – Где ты сейчас? Отлично, стой там, сейчас спущусь.

Для середины октября Лиза была одета легко – светлый, лёгкий плащ, юбка с разрезом выше приличного. Шла с козырей. Богдан оценил усилия, потраченные женщиной.

– Голодна? – вместо приветствия спросил Богдан.

– С радостью бы посидела в уютном месте, господин ресторатор, – улыбнулась Лиза.

– Отлично, – он опустил руку на женскую талию, едва притягивая к себе, с удовлетворением чувствуя отклик.

Выбором не заморачивался. Сносный итальянский ресторан без изысков в меню, с добротными порциями и быстрой подачей. Они ведь случайно встретились, верно?

Ризотто с морепродуктами, заказанное Лизой, прилично смотрелось на синем блюде. Салат в корзинке из пармезана тоже на вид был сносным. Себе Богдан заказал жареный картофель по-домашнему с говяжьей вырезкой и грибами, добавил американо и десерт. Лиза дала понять, что сладкого не ест – думает о фигуре, а от бокала белого сухого не отказалась.

И вроде говорили ни о чём, и сильного интереса визави не вызывала, а в процессе разговора Богдан решил – если женщина просит, кто он такой, чтобы отказывать. Двухуровневая беседа. На поверхности: о Хакасии, особенности селекции рысаков, бухгалтерском учёте, погоде, изменениях законодательства. А на глубинном уровне: «да» или «нет»? «Нет» или «да»? Сейчас? В следующий раз? Сошлись на «да» и «сейчас».

Спустя пару часов непринуждённой беседы нашёлся вполне пристойный предлог продолжить знакомство на территории Лизы. Два с половиной часа в одну сторону якобы случайно, по пути.

– Пройдёмся? – предложил Богдан, подавая плащ Лизе. – Здесь недалеко моя машина.

– О, ты же говорил, что снимаешь квартиру где-то рядом.

– Да, – согласился он. – Пригласить не могу, прости. Там... не лучшие условия. В следующий раз.

– Без проблем, – растянула губы в улыбке Лиза.

Глава 10

Богдан был уверен, она бы многое отдала, чтобы удовлетворить интерес, где именно он живёт, почему не зовёт к себе ни сестёр, ни мать. Богдан так и не сказал, что снял комнату, предпочтя соседство чужой беременной комфортным условиям собственной квартиры. Ограничился общими фразами, лишь разжигая интерес родственниц и Лизы. Примерный адрес знали, не скроешь, детали же держал при себе, а почему – сам не понимал.

Как объяснить Вике, Маришке, а тем более матери, что пожалел постороннюю беременную женщину? Помогал с генеральной уборкой в воскресенье после обеда, переставлял тяжёлые предметы, сметал пыль в труднодоступных местах. Трижды в неделю ходил в продуктовый магазин, стараясь купить побольше из-за дурацкой особенности Жени – она действительно не могла есть, если

подозревала, что квартирант голоден. Пыталась накормить при любой возможности. Пусть хоть готовит за его счёт, раз такая блажь в голове.

Каждый день покупал или заказывал фрукты. Поначалу Женя мужественно крепилась, не покушалась на соседские яблоки, но после обстоятельной беседы начала трескать витамины со скоростью промышленного пылесоса.

Когда Богдан видел Женю, с хрустом откусывающую красный бок яблока, он вспоминал сшитого Кроша. Мысленно рисовал рыжей соседке голубые шуршащие уши и пытался скрыть смех.

Однажды не выдержал, ляпнул, ставя пакет с яблоками на общий стол:

– Лопай, Крош!

– Крош? – Женя, вместо того чтобы обидеться, засмеялась. – Почему Крош?

– Не знаю, – Богдан пожал плечами. – На Лосяша не похожа, а кто там ещё есть?

– Крош так Крош, – она помыла яблоко и тут же откусила. – Хоть горшком назови, только яблоками угощай. Видишь, какое пузо яблоками наела? – она похлопала себя по круглому, не слишком большому для её срока животу.

– Я думал, ты арбуз проглотила, – Богдан почесал затылок, якобы с удивлением глядя на Женю.

– Не, – она откусила яблоко ещё раз, натянула футболку и прокомментировала: – Максимум дыню-колхозницу.

– Действительно, – согласился Богдан с улыбкой.

Женя нравилась Богдану. Не как женщина, боже упаси чувствовать что-то в отношении чужой беременной! Как человек, соседка, девушка. Он никогда не спрашивал, почему она осталась одна в положении. Где отец ребёнка? Почему не общается с родителями? Никого не обрадует новость, что дочь рождает одна, но, чёрт возьми, дочь она быть не перестает, а тот, кто рождается – внуком.

Богдан знал, Женя работает товароведом в маленьком книжном магазине. Неперспективная должность и зарплата, но образованием и опытом похвастаться она не могла, до этого работала продавцом в Подмосковье, в родном городке. Два года назад перебралась в Москву, ухаживать за слёгшей бабушкой, от которой и получила квартиру в наследство. Бабушка долго не протянула, Женя осталась в Москве, устроилась в книжный, доросла аж до товароведа – можно сказать, совершила карьерный скачок.

Сейчас, в преддверии рождения ребёнка, Женя обучилась бухгалтерскому учёту, а пронырливая Ёлка Емельянова подсуетилась и нашла парочку нетрудных клиентов, не тянущих «полноценного бухгалтера».

Ещё у Жени было хобби. Она шила. В общем-то, как понял Богдан, сшить она могла что угодно, иногда делала это на заказ. Штаны для байкеров, комбинезоны для парашютистов, чехлы в автомобили, сарафаны для дам, которые сами решают, где у них талия. Главная страсть Жени – пэчворк – лоскутное шитьё. Название техники Богдан узнал, естественно, от самой мастерицы. До этого он не то что названия не ведал, изделий, сшитых в подобной технике, не видел.

Одним словом, знал то, что на поверхности, не углубляясь в личное. Женя платила ему тем же. Личных, неудобных вопросов не задавала, не в своё дело не лезла. Скорее всего, она знала о гибели Яны и Аришки – с Ёлкой Женя общалась тесно, а о трагедии Усманова не слышал только ленивый из их студенческой компании, – но держала язык за зубами.

Сильно с арендодательницей Богдан не сблизился, при этом симпатии в отношении Крош он не скрывал.

И сейчас эта Крош шла по темнеющему двору, вдоль детской площадки, неся объёмный пакет из продуктового магазина в одной руке, портфель с ноутбуком в другой, а на шее болталась сумка с очередными лоскутками, которые ей носили щедрые товарки.

– Лиза, прости, – Богдан обернулся в сторону Жени, открыл машину и пригласил Лизу в салон. – Подожди меня.

– Хорошо, – Лиза обворожительно улыбнулась, не сводя при этом взгляда с бредущей Жени, при виде которой её кавалер встрепенулся.

Женя, почувствовав пристальный взгляд, посмотрела в их сторону, взмахнула рукой, приветствуя Богдана.

– Я вчера был в магазине, – негромко отчитал он Женю, забирая пакет с эмблемой сетевых супермаркетов. – Чего снова набрала?

– Курица была по акции, – буркнула Женя, переводя ошарашенный взгляд с Богдана на Лизу и обратно. Богдан тоже посмотрел на стоящую в светлом плаще женщину.

Лиза и не подумала садиться в машину, она стояла у открытой двери, целенаправленно обозначая своё присутствие в жизни и автомобиле Богдана. Прищурившись, она оглядывала Крош со смесью интереса и недоумения.

Богдан бегло посмотрел на Женю, за месяц он привык к внешнему виду, не обращал внимания на то, как она выглядит. Беременная и беременная, ничего особенного ни в положении, ни в самой внешности Крош он не видел.

Всё те же рыжие, вьющиеся волосы, невысокий рост, небольшая отёчность на лице, свойственная почти всем беременным. Ладная, с учётом положения, в длинной куртке, уже не способной скрыть живот. Кукольный нос на кругловатом лице с симпатичными ямочками на щеках.

Если поставить рядом Женю и Лизу, Лиза несомненно выиграет. Внешностью, статью, подачей, тем, что не носит чужого ребёнка. Вот только Богдан не мог поставить их рядом. Женя – это Женя. Крош, трескающая яблоки, строчащая в каждую свободную минуту на швейной машинке. А Лиза – это Лиза. Женщина, с которой он собирается заняться сексом, потому что ему необходимо кого-то трахать.

– Давай, донесу, – он забрал пакет с продуктами и ноутбук, оставляя Жене бесценные лоскутки, понимая, что сокровище из цепких, маленьких лапок она не выпустит. Просто на всякий случай, из рачительности.

Они поднялись на четвёртый этаж в гремящем лифте. Женя молчала, время от времени тяжело вздыхала, Богдан не знал, что сказать. Он не обязан отчитываться перед хозяйкой комнаты, не должен извиняться за поведение Лизы, тем паче, та не сделала ничего предосудительного, лишь посмотрела на женщину, к которой подскочил Богдан. Объяснимый интерес.

– Женя, я не приеду сегодня, закройся, хорошо? – сказал он у двери, оставляя пакет в прихожей.

– Хорошо, – просто улыбнулась Женя и начала снимать куртку.

Богдан не стал ждать лифт, спустился пешком, заодно воспользовался случаем, перевёл дыхание. Не покидающее чувство, что он зверски тупит, не давало покоя. Женя? Нет, с ней определённно не связано. Лиза? Может быть... Желание же секса накрыло удушливой волной.

Богдан открыл дверь подъезда, улыбнулся женщине в белом плаще, потом сел, завёл автомобиль, салон которого с явным одобрением оглядела Лиза, и вырулил на проспект.

Проснулся утром, в чужой постели, с чужой женщиной, с пустыми яйцами и головой.

Глава 11

Рабочий день подходил к концу. Алина ускакала, поправив макияж, в восемнадцать ноль-ноль, в этот раз не отпрашиваясь у начальства. Богдан кис над цифрами, перебирая новые договора с поставщиками. И без того не искрящиеся дела отца с приходом к власти Танюшки уверенно шли под откос. Если бы он подождал с откровениями об очередной последней любви, не подал на развод, а его жена впала в отчаяние, вместо того чтобы зубами выгрызть полагающееся ей и детям – дела всей жизни Усманова Павла Петровича уже не существовало.

Богдан несколько раз порывался послать всё к дьяволу, отец – не малолетка, вляпавшийся в нехорошую историю с девочкой, пусть разгребает результаты сластолюбия. Только помимо его нежелания вытаскивать из-за пазухи Танюшки бизнес Усмановых, были интересы матери, Вики и Маришки.

Что творилось между родителями, доподлинно Богдан не знал, но это была семья, в которой он вырос. Традиционная, в некотором смысле патриархальная. Строгий отец, заботливая мама, уверенность в завтрашнем дне – три кита, сформировавшие мировоззрение Богдана. Мать занималась воспитанием, образованием, здоровьем детей. Какие бы конфликты ни были у родителей, именно для неё благополучие детей всегда стояло на первом месте. Богдан не мог себе позволить махнуть рукой на происходящее, понимая, что мать может попросту остаться без средств к существованию. Пенсия? Сдача квартиры на Бурденко? Слёзы от уровня, к которому привыкла Валентина Эдуардовна.

– Богдан Павлович, можно? – на пороге застыла главный бухгалтер. Дородная женщина пенсионного возраста работала в компании ещё во времена, когда Богдан был студентом, а дело только набирало обороты.

– Конечно, Зоя Борисовна, – Богдан улыбнулся.

Внешний аудит здорово ударил по нервам и репутации Зои Борисовны. Богдану пришлось отдельно разговаривать с женщиной, дать понять, что к ней лично претензий нет. Проверка покажет истину, но пока никаких причин не доверять проверенным кадрам нет.

– Богдан Павлович, – Зоя Борисовна встряхнула жидкими волосами, уложенными в стильную причёску. – Татьяна... Сергеевна велела перевести ей деньги на представительские расходы, а у нас с прошлого полугодия не закрыты долги. Бахус прислал претензионное письмо, Моршанский требует оплаты, Гуревич и компания... – она начала было перечислять обязательства, но была остановлена Богданом:

– Я помню всех поставщиков. Что с Татьяной Сергеевной?

– Представительские расходы. Просто не представляю, как я объясню это в налоговой, и проверка ещё эта...

- Какая сумма?

Зоя Борисовна обернулась, словно боялась, что за спиной стоит Танюша или сам Павел Петрович, и быстро написала число.

- И часто она берёт такие суммы?

- Такую первый раз потребовала, до этого меньше брала, но именно сейчас сильно нехстати, Богдан Павлович.

- Переводи Бахусу, Гуревичу и Инко-торгу, с Моршанским я поговорю.

- А Татьяне Сергеевне?

- У Татьяны Сергеевны хорошая зарплата, - растянул губы в подобие улыбки Богдан.

Улыбка Зои Борисовны не была поддельной, она довольно поднялась и гордо прошествовала к двери. Танюша умудрилась насолить всем - от главного бухгалтера до уборщицы, - кому-то истеричными, в духе собственного любовника, криками, кому-то непроходимой тупостью. И только Павел Петрович пускал одинокую слюну по подбородку, глядя на свою ненаглядную.

Ненаглядная заявила в кабинет, когда Богдан выключил ноутбук, забросил стопку бумаг в стол, пообещав себе завтра точно разобраться с этим клубком, и стоял уже на пороге.

- Что за новости? - игнорируя правила хорошего тона, заявила Танюша, прошагала к столу и упала в кресло для посетителей, давая понять, что планы Богдана её не интересуют.

- Все вопросы завтра, - коротко ответил Богдан, щёлкнув выключателем. В кабинете остался включённым лишь ряд диодных ламп, создавая прямо-таки интимный полумрак.

- Сегодня! - Танюшка уставилась на Богдана, сверля недовольным взглядом. - Ведьма отказалась оплачивать мне представительские расходы, ссылаясь на

твое распоряжение!

- Вы Мерседес представительского класса собрались покупать?

- Даже если так! Имею право!

- Вот как? - Богдан развернулся лицом к нахалке, окинул медленным взглядом, будто сканировал каждую деталь в неудавшемся образце женщины.

Волосы длинные, почти до задницы, распущены, наверняка гордится ламинированными патлами. Близко посаженные, мышинные глазки с нездоровым блеском в обрамлении наращённых ресниц-опахал. Светлое платье якобы делового стиля, подчёркивающее всё и сразу, с вырезом, из которого выскакивают груди, больше похожие на шары для боулинга. Длинные ноги в чёрных колготках, призванных скрыть чудовищно толстые колени.

- Я профессионал! - протянула Танюша, растягивая звук «а», то ли пародируя московский субдиалект, то ли сознательно делая акцент на «профессиа-анал».

- Меня твои професиа-а-а-анальные способности не интересуют, деточка, - Богдан сделал несколько шагов по кабинету, остановился рядом с Танюшей, покачнулся с пятки на носок. Женский взгляд невольно упёрся в мужской пах.

- А? - Танюша приоткрыла рот, не понимая, что происходит.

Богдан продолжал двусмысленно возвышаться над ненаглядной, не оставляя ей возможности выбраться из ловушки. Нехитрые мысли отчётливо читались на лице Танюши. Расстегнуть гульфик на брюках Богдана и получить двойные плюшки, от отца и от сына, или сыграть возмущённую невинность? Отказавшись, она упустит солидный кусок, но вдруг это проверка?

В кошмарном сне он видел минет от Танюши, внутренне Богдан содрогнулся от подобной перспективы, но мечущийся от лица к ширинке мышиный взгляд забавлял.

- Иди! - наконец сделал он шаг назад.

Танюшка подскочила, на ходу поправляя платье. В глазах читался триумф, идиотка вообразила, что это всё-таки проверка, которую она с успехом прошла. Не отсосала у Усманова-младшего. Честная женщина, искренне любящая его отца. Мелодраматично до блевоты.

– А расходы? – опомнилась она у двери.

– Перетопчешься, – ровно отчеканил Богдан, бросая взгляд на часы.

– Ты! – в бегающих глазках явственно читалось сомнение, минет одерживал победу.

– Вон пошла, – устало ответил Богдан. Не хватало, чтобы это глянцево сельпо всерьёз предложило отсосать ему.

– Я скажу Паше, – взвизгнула Танюша. – Завтра деньги будут у меня, а вон отправишься ты.

– Смешно, что ты в это веришь, – бросил вслед Богдан, закрывая приёмную.

Инцидент забылся до того, как двери лифта открылись на первом этаже. Оставив ключи охране, Богдан вдохнул московский воздух. Пахло поздней осенью, рекой, привычным смогом, никакого намёка на зиму, несмотря на ноябрь. Он и забыл, что так бывает.

Глава 12

С утра звонила Лиза, зазывала в гости, соблазняла пирогами собственного приготовления. Богдан отказался, сослался на сильную занятость, пробки, магнитные бури. Не складывалось у него с Лизой, не получалось непринуждённых отношений «для здоровья». Поначалу её истовое желание понравиться Богдан воспринимал как должное, понятное, потом навязчивость стала раздражать. С каждой встречей всё больше и больше.

Если бы он видел симпатию со стороны Лизы, скорее всего, его бы не бесила наигранная ласковость и уступчивость, а там... Чем чёрт не шутит, ответил бы взаимностью. Напускная заинтересованность нервировала сильнее, чем нарисовавшееся несовпадение в сексе. Лиза старалась подстроиться, он сдерживал порывы, видя её усердие, но всё чаще думал, что просто мастурбирует о Лизу, а не спит с ней.

Богдану необходимо сначала выпустить пар, жёстко, размашисто, до чёрных точек в глазах, потной спины, потом он готов на любые нежности, объятия, поцелуи. Завтрак по утрам, танцы с бубнами. Эгоистично ждать от женщины спокойного темперамента такого подхода. На жёсткий секс Лиза соглашалась после долгой прелюдии, когда заводилась не на шутку. К тому времени терпение Богдана балансировало на грани, а то, что для неё было «жёстко», для него – банальной мастурбацией о вагину.

Ничего, можно смириться, в тридцать пять лет не сексом единым жив человек. Бесила навязчивость, наигранная уступчивость, включённый режим «прелесть какой дурочки» ради заветного штампа. Лизе необходимо замуж. Богдан – идеальный кандидат. Ради этого она готова потерпеть, что раз в неделю её дерут, как портовую шлюху. Уверен, именно ею она себя ощущала в такие моменты.

Договор с Аллой выглядел романтической историей любви по сравнению с «отношениями» с Лизой. К тому же, несмотря на отсутствие брачных танцев павиана, Алла заводилась в процессе – только подавай.

В своё время Богдан завис на Яне из-за полного совпадения темпераментов. Они сошлись идеально, пазл в пазл. Сколько бы женщин он ни перебирал, кого бы ни таскал в постель, на какие бы эксперименты ни шёл, он всегда возвращался к ней, а она к нему. Сейчас он поумерил бы пыл и амбиции, стал примерным мужем. Все их конфликты яйца выеденного не стоили, разборки были мелочные, глупые, больше напоминали парад идиотизма. Богдан многое изменил бы в той, прошлой жизни. Жаль, история не знает сослагательного наклонения, жизнь не даёт вторых шансов.

Крош уже топталась на кухне, когда пришёл Богдан. Быстро переоделся, вышел узнать, как дела с её переучётом. Она уходила в декретный отпуск, ей подыскали замену, сегодня был переучёт – Крош официально сдавала дела.

– Как дела? – Богдан встал, опираясь на столешницу.

– Как в аптеке, – Женя улыбнулась.

– Ты теперь свободный человек, поздравляю.

– Оторвусь! Пойду на танцы, в бар, буду мужиков кадрить!

– Много не пей только, живот лопнет, – подмигнул он.

– Взял и всю малину испортил, – якобы обиделась Крош.

Забавная она, всё же. Только уж очень маленькая, совсем крошечная. Крош. Странно думать о беременной, совсем не худенькой женщине – «крошечная», но Богдан не мог отделаться от этого ощущения. Всеми виной разница в росте. Женя едва доставала макушкой до его плеча. Маленькие кисти рук, маленький размер ноги.

Богдан никогда пристально её не рассматривал, не приглядывался к ступням, ладоням, коленям, но живя рядом с человеком, автоматически отмечаешь детали, запоминаешь бытовые привычки. Тапочки Крош в прихожей рядом с обувью Богдана смотрелись почти детскими, развешанная для сушки объёмная футболка едва ли прикрыла бы его пупок, а в перчатки поместились бы не больше трёх пальцев, приди ему в голову идиотическая мысль их примерить.

Потом ужинали. Сидели за одним столом, ели отварной картофель, салат и запечённый куриный рулет, передавали друг другу соль, разговаривали. Если задуматься – странная ситуация. Она – беременная от другого. Он – якобы строит отношения с другой. У них же почти совместный быт и ужины.

– Декретные получу, – поделилась мыслями Женя, Богдан поднял взгляд от тарелки. – Как думаешь, что лучше купить – посудомоечную машину или швейную?

- Швейная у тебя есть.

- Она на ладан дышит, операций не хватает, - махнула рукой Крош. - А с посудомойкой удобно. Удобно же? - она уставилась на Богдана.

- Удобно, наверное. Никогда не задумывался.

- У тебя нет посудомойки? - Крош с подозрением посмотрела на собеседника. Сказано было таким тоном, словно он только что заявил, что у слона нет хобота, а Земля квадратная.

- В Москве есть, а дома - нет, - он мимоходом отметил, что его дом уже не Москва. - Крош, ты не поверишь, я живу с братом и его девушкой в одном доме.

- Большой дом, наверное.

- Средняя двушка, по российским меркам. Твоя квартира больше, - он подмигнул открывшей рот Жене.

- Я думала ты...

- Олигарх?

- Ну не олигарх...

- Просто мне этого не нужно. Просторный дом, квартира. Когда есть семья, дети - актуально, мне хватает одной комнаты, чтобы переночевать. Иногда сплю в машине или на конюшне.

- С лошадьми?!

- Нет, конечно. В рабочем кабинете административного корпуса, там и душ есть.

- Понятно.

– Так что с машиной-то? – перевёл разговор Богдан.

Обсуждать свою жизнь желания не испытывал. Богдану действительно хватало дома, купленного сразу по приезду в Хакасию. Тогда он был уверен, что жильё временное, отстроится, перевезёт Яну с Аришкой, халупу оставит Егору. Коневодческий бизнес не мега-прибыльное дело, трудоёмкое, требующее огромных вложений, на отдельный дом у родственника не было денег. Всё изменилось в один миг, у Богдана были силы на физическое существование, а планов на жизнь не осталось. Жил и жил, катился, как сухоцвет перекасти-поле.

– Не знаю, надо подумать, что нужнее.

Богдан убирал со стола, Женя мыла посуду, хмурясь своим мыслям, а потом упала на диван, упираясь в угол, подложила под поясницу подушку и вытянула ноги. Богдан автоматически закинул их себе на колени и начал массировать. Крош мучили отёки, он не знал, насколько это опасно, но ноги к концу дня выглядели надутыми. Женя хваталась то за поясницу, то потирала икры, борясь с собственным животом, а то тяжело вздыхала. Когда он впервые взял маленькие ступни в руки, она завизжала от неожиданности, пришлось успокаивать.

– Крош, перестань дёргаться, – цыкнул он. – Я же не домогаюсь, просто сил нет смотреть на тебя. От массажа тебе станет легче.

– Это как-то по-дурацки.

– По-дурацки отказываться от помощи, – он несильно дёрнул за ногу.

Хотелось добавить, что по-дурацки рожать без мужа, без поддержки родных и близких, но промолчал. Женя не похожа на легкомысленную дурочку, рассуждающую о зайках и лужайках, значит, есть причина сегодняшнего положения, и серьёзная причина.

С тех пор массаж стал обязательным вечерним ритуалом.

Богдан подспудно думал о том, что ему уезжать в январе, перенести свои дела в угоду отцовским он не мог, а Крош останется одна. Хорошо, если к тому времени

родит, а если нет? Хотя и в этом ничего хорошего. Первые месяцы жизни младенца – форменный ад для женщины. Когда родилась Аришка, он два месяца провёл в Москве, у Яны была помощница по хозяйству, и всё равно, некогда цветущая красавица стала похожа на агрессивное привидение. Как возможно справиться с подобными нагрузками в одиночку, Богдан не представлял. Материнский инстинкт, «в детях счастье» – это всё прекрасно, но человеку необходимо спать, есть, полноценно отдыхать, тем более – молодой матери.

– Крош, ты не думала о том, чтобы раскурить трубку мира с родителями?

– Я с ними не ссорилась, – Женя подобралась, опираясь на подушку.

– Вы не общаетесь. Может, стоит съездить к ним, поговорить?

– Не знаю...

– Жень, как ты будешь одна справляться? Какие бы ни были родители, лучше с помощью, чем без.

– Они наверняка этого и ждут, – буркнула Женя.

– Чего «этого»?

– Что я не справлюсь, попрошу помощи, повалюются на Ивашкиных костях.

– Всё так плохо?

– Ну... – Женя вздохнула.

– Ещё кто-то у тебя есть? – он имел в виду отца ребёнка, вслух произносить не стал.

– Старший брат родной, – не поняла собеседница. – Он точно не поможет, злитесь из-за этой квартиры. Бабушка одна на двоих, а квартиру я единолично захапала, получается. Мы почти не общались с ней, когда росли. С мамой у неё всегда плохие отношения были, на папу вечно ворчала, невестка не устраивала, мы с братом лицами не вышли, тупицы пустоголовые.

- О, как! - не сдержался Богдан.

- Когда заболела, позвонила, мол, оставлю квартиру за уход. Мама отказалась даже за квартиру в Москве. Представляешь, как её свекровь за жизнь достала?

- Представляю.

- А я согласилась, переехала, ухаживала, лечила, терпела. Она вредная была - жуть! Ежедневно истерики устраивала, орала, будто её режут, драться пыталась при замене памперса. За два года папа приезжал два раза, функциональную кровать собрать и на Пасху, больше никого не было. Ни мамы, ни брата. Бабушка умерла, они сразу побежали оформлять наследство, не знали, что мы договор аренды оформили. Мама смирилась, а брат в суд подавал, считает, я его ограбила. Приезжать и помогать надо было! - твёрдо заявила Крош. - Получается, капризы терпеть, купать, убирать - Жене, а квартира - Славе? Не пойдёт!

- Молодец! - похвалил Богдан Крош. У каждого своя правда, у Жени такая: кто два года за лежачей больной ухаживал, тому и квартира.

Глава 14

Утром отправились в Подмосковье, к родителям Крош. Что она надумала за ночь, Богдан уточнять не стал. Увидел собирающуюся, как на парад, напряжённую Женю и предложил отвезти на машине. Дел, конечно, невпроворот, однако, один день могут подождать. Придётся постоять в пробках, наверняка Крош устанет, только всё равно в комфортабельном салоне авто лучше, чем в электричке, хотя последняя пробки не собирает.

Обычная панельная пятиэтажка встретила типовой детской площадкой, кучкующимися собачниками с одной стороны двора и лавочкой с неизменным атрибутом - вездесущими бабками, - с другой.

- Подожду, - сказал Богдан. - Освободишься, позвони.

– Я недолго, – промяукала Женя и выбралась из машины.

Богдан смотрел вслед сжавшейся крошечной фигурке в дутой куртке, переваливающейся по-утиному, еле переставляющей ноги. Ей явно было некомфортно, а то и страшно. Да что же такое?! Не должны дети бояться собственных родителей. Недоразумения, недопонимания, конфликты неизбежны, но родитель остаётся родителем, а ребёнок – ребёнком. Как бы порой Богдан ни злился на мать, было за что, как бы ни бесился от поведения отца – любить он их не переставал, и был уверен в их безусловной любви. Он – взрослый, состоявшийся мужик нуждается в подспудной родительской поддержке, а тут девчонка...

Двадцать семь лет, естественно, не ребёнок, однако Женя настолько крошечная, что Богдан не мог её воспринимать иначе как «девчонку». Положение добавляло незащитности, беспомощности. Он не умилялся, беременность никогда не была фетишем Усманова, дети не вызывали трепета. исключением стали Аришка и беременная Яна. При этом что-то глубинное – «синдром рыцаря» – включалось в Богдане, когда он смотрел на Крош. Её хотелось защитить, помочь, уберечь.

– Жень, – крикнул он, хлопая дверью машины. – Я с тобой пойду, – в несколько шагов он догнал идущую, на автомате поправил ей шапку и подставил локоть, чтобы зацепилась.

– Правда? – с неприкрытой надеждой пискнула Женя.

– Уже иду, – деловито ответил, подстраиваясь под микро-шаги женщины.

Крош оказалась похожа на мать, представившуюся Галиной Александровной. Невысокая, для своих лет хорошо сохранившаяся, с пышным, рыжим каре. Виктор Семёнович – отец – значительно выше жены, с военной выправкой и цепким взглядом силовика. Слава, не похожий ни на отца, ни на мать, и его супруга Вероника, скользнувшая по Богдану заинтересованным взглядом.

На лицах всего семейства читался неприкрытый триумф. Женя жалась ближе к Богдану, он, поддерживая, обнял её за плечи и подтолкнул к столу с расставленным чайным сервизом и тортом в центре.

Ничего не значащая беседа, ведущая в никуда. В то, что топор войны зарыт, не поверил и Богдан. Семейство держало лицо перед посторонним человеком, откровенно испепеляя непутёвую дочь взглядом.

– Простите, Богдан, – Галина Александровна ележно улыбнулась, впившись взглядом в гостя. – Вы местный?

– Как сказать, – спокойно ответил Богдан. – Родился и рос в Москве, живу в Хакасии.

– Что ж вы там забыли? – явно ища подвох, уточнил Виктор Семёнович.

– Коневодческое хозяйство, – усмехнулся Богдан, отвечая на прямой взгляд прямым. – Выращиваем рысаков, производим кумыс.

– А в Москве, что же?

– Небольшой ресторанный бизнес, – размыто ответил, чувствуя желание помыться от липкого взгляда Вероники. Танюша казалась элитной эскортницей рядом с этой мадемуазель.

– И чо, бабы лучше не нашёл, чем Женька? – откинулся на спинку стула Славик.

– Он просто мой квартирант! – вспыхнула Крош.

– Чего? Ох, ля, «ресторанный бизнес», «производство рысаков»! – передразнил брат.

– Ещё и сдаёт, – фыркнула Вероника. – Заполучила бабкину квартиру, теперь деньги гребёт!

– Надо было приезжать и помогать, – огрызнулась Женя.

– Тебя не спросили, – взвизгнула Вероника. – Ты и рожаешь только для того, чтобы малого прописать в квартире!

– Женя у тебя приёмная? – без экивоков рубанул Богдан отцу семейства. – Что за отношение?

– На какое отношение она рассчитывала, когда всю семью надула? Кому рожает, мне? Я помогать отказываюсь, квартира матери все долги списала на сто лет вперёд.

– Слушайте, она же ваша дочь, – Богдан уставился в недоумении на Виктора Семёновича.

Усманов Павел Петрович тоже не ангел, но представить, чтобы он открыто оскорблял Вику или Маришку, Богдан не мог, даже с учётом влияния последней любви всей жизни.

– Что бы ты сказал, если бы твоя дочь рожала от семейного? – отчеканил Виктор Семёнович.

– Моя дочь погибла в девятимесячном возрасте, – прошипел Богдан. – Я бы предпочёл, чтобы она родила в пятнадцать от племени туземцев, но была жива!

– Богдан... – пискнула Крош.

– Домой? – он нагнулся над крошечной, бледной, трусящейся как в лихорадке Женей.

– Д-да, – заикаясь, проблеяла она.

– Пойдём.

В машине Крош тряслась, борясь со слезами, пока Богдан смотрел в одну точку перед собой, собирая себя по кускам заново, заставляя лёгкие перекачивать воздух, а сердце – кровь.

– Прости, – разревелась Женя, не выдержала. Кроха, ни в чём не виноватая перед ним, Яной, Аришкой, всхлипывала и размазывала ладошками слёзы по пухлым щекам с ямочками. – Ты её любил, да? Яну?

Богдан понял, его предположения оправдались. Ёлка Ермолаева не удержала язык за зубами, поведала-таки холодящую кровь историю жизни Усманова Богдана. Как его трясло на похоронах, когда он смотрел на мёртвое, не похожее на себя лицо Яны и крохотный гроб...

Спустя годы Богдан вздрагивал и хотел выйти в окно, когда вспоминал те дни.

– Дочь любил, безумно, – спокойно ответил, не позволяя собственным эмоциям пробиться сквозь броню внешнего спокойствия. Последнее, что сейчас нужно Крош – это его, на разрыв аорты, боль. – Яну... знаешь, – вдруг честно ответил Богдан, – казалось, любил. Особенно после её гибели так казалось, но вспоминая, каким мудаком я был – никого я не любил, кроме себя.

– Ты не можешь быть мудаком.

– Ты не знаешь меня, – он заправил включенную, рыжеватую прядь за Женино ухо, отмечая про себя, что даже ухо у неё крошечное. Ухо! – Предлагаю отобедать в ресторане, – он назвал один из ресторанов их группы, располагающийся на въезде в столицу со стороны городишки, где они сейчас находились. – А потом ориентироваться по ситуации. Хочешь, посудомоечную машину поедем покупать? Или швейную?

– Я ещё не решила, что сильнее хочу.

– За обедом и решишь, – подмигнул Богдан и вырулил из типового двора.

Глава 15

В выходной день Богдан снова отказался от встречи с Лизой, чувствуя себя едва ли не пятиклассником, придумывающим предлог не идти на контрольную по алгебре. На том конце провода с трудом сдерживали раздражение, пытаюсь придать голосу интонации понятливости. Богдан пообещал, на неделе они обязательно встретятся, добавил, что соскучился. В общем-то, не соврал. Трахать кого-то нужно, Лиза не самый худший вариант.

Первую половину дня провёл в офисе, выгребая авгиевы конюшни, вторую был дома, с Крош. Доставили посудомоечную машину, Богдан вызвался установить. Удивление Жени простой инициативой было настолько искренним, неподдельным, что он не выдержал, чмокнул её в хорошенький носик, отчего она ещё сильнее смутилась.

- Ты можешь установить машинку? Сам?

- Конечно.

- Со всеми этими штуковинами? - Женя покосилась на комплектующие.

- Без штуквин, боюсь, работать не будет, - мягко улыбнулся Богдан, Крош снова посмотрела на него, как на слона без хобота и ушей. - Похоже, у тебя превратное мнение обо мне, - добавил он. - Когда жил в Москве, - не заметил, что, находясь в родном городе, он говорит в прошедшем времени, - я бы не стал собственноручно устанавливать посудомойку или делать генеральную уборку. В Хакасии всё делаю сам. Картофель сажал пару раз, что-то даже выросло. Забор, подсобные помещения, всё своими руками.

- Просто...

- Это стереотипное мышление, Крош.

- Наверное, - Женя вздохнула и ещё раз обошла покупку.

Богдан усмехнулся, вспоминая муки, написанные на лице Крош, когда она делала выбор между швейной машиной и посудомоечной. После ресторана, где Женя изо всех сил старалась не округлять глаза, глядя в меню, они направились в специализированный магазин швейных машин и прочих прибабасов для рукоделия.

Богдан думал, Женя останется там жить. Помимо цели визита, выставленной рядами на стеллажах, там было чудовищное количество ниток, игл, кнопок, застёжек, шкатулок, сумок, бисера, вязальных спиц, всевозможных приспособлений неясно для чего вообще. От такого разнообразия закружилась голова. Крош же сияла, как новогодняя ёлка, останавливалась возле каждого

стенда, долго рассматривала, крутила, вздыхала, как ребёнок в Детском мире накануне Рождества.

Они долго и обстоятельно разговаривали с консультантом. Женя забрасывала того вопросами со скоростью пулемёта «Максим», иногда спорила, в итоге, после бесконечных двух часов, горько вздохнув, сказала, что ничего не выйдет. То, что устраивало, стоило невозможных для неё денег, а на что хватало – не спасало. Правда, из магазина вышли нагруженные пакетами, Крош не удержалась, а Богдан заставил принять покупки в качестве подарка.

– Считай подарком на день рождения.

– У меня в июле, заранее не дарят, – спорила Женя, всё ещё пытаюсь всучить деньги Богдану.

– На прошлый, значит, – отмахнулся он, открывая дверь в автомобиль.

Посудомоечную машину выбрал Богдан, исходя из финансовых возможностей Жени, конечно. Второй подарок за день Крош могла не вынести, она порядком нервничала из-за первого.

Закончив с установкой, убедившись, что всё подключено как надо, Богдан доверил первый запуск Крош. Она торжественно нажала кнопку, завороченно прислушалась к звуку включения и засияла, сверкая ямочками на щеках.

– Всегда мечтала, – выдохнула Женя, проведя пальцем по белой поверхности. – Даже в детстве.

– Тебя так часто заставляли мыть посуду?

– Не больше, чем остальных, – отмахнулась Крош. – Была у меня подружка, у них посудомойка стояла, таким чудом мне казалась, такой... роскошью. Глупо, знаю. Телефон дороже этой штуки стоит, и вообще, лучшие друзья девушек – это бриллианты, а я мечтала о посудомоечной машине.

– За сбытие мечт! – Богдан налил минералку в бокалы и произнёс тост.

Крош топталась на кухне. Кружила, похожая на пузатую золотую рыбку, поглядывала на обновку, переставляла в нужном ей порядке посуду, заглядывала в холодильник. Богдан растянулся на диване, устроив на коленях ноутбук, читая отчёт Егора. Думы же блуждали далеко от проблем Хакасии, как никогда.

Не покидали мысли о Жене, волнение за неё. Нерационально беспокоиться о посторонней беременной женщине, но он думал и волновался. Неправильно, что она осталась один на один с проблемами.

Считать так со стороны Богдана, по меньшей мере, лицемерно. В своё время Яна с большим животом сновала по кухне в одиночестве. Можно сколько угодно умасливать совесть рассуждениями, что жена ни в чём не нуждалась, жила в благоустроенной квартире, с ежедневно приходящей помощницей по хозяйству, в любой момент могла обратиться к мужу, прилететь к нему, в конце концов. Сути не меняло. Яна жила одна, пока он, наплевав на всё, кроме своих желаний и планов, торчал в Хакасии.

Женя ничего не рассказывала об отце ребёнка, не затрагивала эту тему. Спрашивать неэтично, они не были близки с Крош настолько, чтобы делиться личным. Богдан хотел навести справки у Ёлки Ермолаевой – вот кто знает всегда всё обо всех, однако никакой гарантии, что в ту же минуту она не доложит Жене о расспросах, нет. Ставить Крош в неловкое положение, когда она и так смущается не один раз за день, Богдан не хотел.

Придерживаться нейтралитета тоже. Случайно брошенное Виктором Семёновичем: «от семейного рождает», многое объясняло, но и простор оставляло изрядный. Семейный семейному рознь. Чаще такие истории банальны до тошноты. Мужики бегут от рутинных проблем, нехватки секса в браке, добирают на стороне эмоций, траха, потом возвращаются домой, где всё привычно – от недовольства тёщи до платежей по ипотечному кредиту. Встречаются другие обстоятельства. Кто знает, какой вариант «достался» Жене.

– Крош, можно спросить? Если посчитаешь наглостью – не отвечай, – Богдан поднял взгляд от монитора. – Где отец ребёнка?

– Не знаю, – Женя шлёпнулась на диван, Богдану пришлось подвинуться. – Дома, с семьёй, – она сжалась, передёрнула плечами, уставившись на спрашивающего

со смесью смущения и вызова.

- Он не собирается помогать?

- Нет, - Крош наигранно равнодушно пожала плечами. - Нам не нужна его помощь, - пробубнила под нос.

- Во-первых, вам, - он кинул взгляд на живот Жени, - необходима помощь, во-вторых, он обязан помогать.

- Не обязан.

- Обязан. «Никто никому не должен» - удобная позиция для мужиков, но давай начистоту: был, имел, ребёнок есть - обязан.

- Он не просил меня рожать, наоборот, денег дал на аборт. Всё чётко оговорил, ребёнка от меня он не хочет и не захочет, совместных с женой хватает. Проблемы не нужны, я тоже.

- Понятно... - На языке крутились сотни вопросов, но задавать их Богдан не стал.

- Слушай, я не дурочка, которая забеременела и решила рожать, потому что страсть как ребёночка охота. У меня отрицательный резус, один аборт я уже сделала, до этого выкидыш был. Какие у меня шансы родить здорового ребёнка после третьей прервавшейся беременности? Я решила рожать, - Женя вздохнула. - Долго думала, сомневалась, сдала анализы, записалась на аборт и не стала. Испугалась, четвёртого шанса может не быть, а эта беременность уже есть. Не стала надеяться на авось, в общем. Оставила.

- Понятно, - честность Жени импонировала Богдану. После шитой белыми нитками ласковости Лизы, норовящей заполучить семью любым путём, простой в своей жизненности расклад из уст Крош вызывал симпатию.

- Осуждаешь меня, да?

- За что?

– С женатым связалась, семью могла разбить.

– Крош, говорят, существует женская солидарность, по которой спать с женатыми моветон. Исходя из личного опыта, я в это не верю. Про поголовное осуждение мужиками любовниц даже легенд не ходит. Просто... знаешь, Крош, непонятно, как такая разумница, как ты, могла повестись на мужские сказки.

– Откуда тебе про сказки знать? – буркнула Женя.

– Не первый год на свете живу, – не выдержал он, засмеялся, потом пододвинул к себе смущённую Женю, обнял по-дружески. – С женой согласия нет, давно не любит, не спит с ней, дети маленькие, подрастут – разведётся?

– Ну...

– Женька-Женька, – тепло улыбнулся он. О чём теперь рассуждать, открывать глаза на очевидное, наставлять на путь истинный. Другие проблемы на носу. – А ты коляску уже выбрала?

– Ну, да, – она посмотрела на Богдана. – Рано ещё покупать.

– Личный автомобиль рано, согласен, коляску можно и купить, – он подмигнул окончательно растерявшейся Крош.

Консультант упорно нахваливал модели, от цен на которые Жене точно хотелось перекреститься. Её выбор был значительно скромнее, но либо модель не проходила в лифт, либо была неподъёмной, либо техническая часть вызывала вопросы у Богдана. Они долго спорили, пока не сошлись на приемлемом варианте, с условием, что покупает Богдан, а Женя рассчитывается с ним постепенно, в течение полугода, например.

Богдану тогда показалось, что Женя странно себя ведёт, нервничает, озирается, по дороге домой прятала слёзы. Расспрашивать не стал, достаточно откровений на один раз. Вероятно, она чувствовала себя неловко из-за навязанной щедрости или подсчитывала долговые обязательства, или поддалась банальному перепаду настроения. Он не замечал капризов беременных у Крош, она не вздыхала, что хочет клубнику в три часа в ночи в ноябре, ей не было жарко, душно или

холодно. Не исключено, что она попросту не показывала свои слабости. Держала дистанцию с квартирантом, он не возражал. Эмоционально привязываться к посторонней, а главное – беременной женщине, он не желал.

Глава 16

После работы поехал к Лизе, а по приезду долго сидел в машине, не желая подниматься в квартиру. Секса хотелось, Богдан отдавал должное мужской природе, но именно Лизу не желал. Приятней включить порно и передёрнуть, чем изображать чуткого любовника с женщиной, не вызывающей ничего, кроме природной реакции.

Лиза позвонила, елеинно поинтересовалась, долго ли ещё Богдану добираться, паста остывает. Хозяюшка, мастерица на все руки, заботушка... Он набрал воздух в лёгкие и выдавил, что уже припарковался, идёт. Взял с заднего сидения дежурный букет и направился решать половые проблемы самым нерациональным способом из всех возможных: подставляя собственную шею под молот матримониальных планов Лизы.

В программу вечера входили итальянская кухня, романтическая музыка, льстивые улыбки. И сносный минет, если бы не желание намотать волосы на кулак, взяв инициативу в свои руки. Оттрахать податливый рот с той силой, в которой нуждался. Лиза не приемлет движений члена во рту, ей спокойнее контролировать процесс. Имеет полное право, да и Богдану не хотелось сталкиваться с рвотным рефлексом из-за неуместных экспериментов. Минет – всегда минет. Как бы дерьмово ни отсосали – всё равно хорошо.

Половой акт тоже фейерверком не назвать. Богдан видел, Лиза попросту устала, ей бы принять ванну, завалиться с книжкой или сериалом, а не изображать из себя гетеру, в надежде поймать мужика в силки брака. Проволохавшись в миссионерской позе, доведя до оргазма, он поставил Лизу раком и быстро, размашисто поимел, получив собственное высвобождение и подобие удовлетворения. Утром история повторилась, пришлось натягивать счастливое лицо, не морщась целовать чужие губы и целый день гасить неясное, бродившее раздражение вкупе с неудовлетворённостью.

По пути зашёл в магазин, купил фруктов – начинался сезон мандаринов, хурмы. Дома закончились грейпфруты и яблоки. В «общей» комнате с балконом привычно горел свет, значит, Женя снова топчется, готовит или строчит на швейной машинке. Матроскин наших дней, а не Крош.

Однако квартира встретила неясным гулом, мужским голосом на повышенных тонах. Женя стояла, подпирая кухонную мебель, сложив руки в замок на груди, живот от этого выпирал особенно сильно. На диване сидел гость – мужчина, скорее парень, от силы тридцати лет, и что-то недовольно выговаривал хозяйке квартиры.

Богдан решил не вмешиваться, прошёл в свою комнату, включил ноутбук, начал гонять новостную ленту, стараясь не прислушиваться, его не приглашали. Женя видела, что он пришёл, кивнула, никакого знака, просьбы о помощи не подавала. И всё-таки что-то в этом визитёре было не так... Или в самой Жене? Защитная поза, напряжённое тело, вплоть до коленей, выглядывающих из-под широкого платья.

Парень тоже показался Богдану нервным. Дёрганное постукивание пяткой по полу, перебор пальцев по коленям в недорогом дениме, расстёгнутая до третьей пуговицы рубашка, будто в квартире душегубка.

– Шкура! – врезалось в тишину. – Тупая потаскуха!

Богдана подбросило на месте, он стремительно вышел на кухню. Парень нависал над Женей, уперев одну руку в кухонный стол, второй схватив за женское плечо. Телом притиснулся настолько близко, что, казалось, вдавливается в круглый живот. Мужские грабли на крохотном плече, пряжка ремня, давящая на живот, маленькие ладони, пытающиеся оттолкнуть животное в мужском облики – врезались в глаза, ударили в голову, в глазах потемнело. Тремя шагами он достиг цели, схватил незваного гостя, одним движением скрутил, выворачивая руку, грозя сломать, и выкинул в прихожую, веля убираться вон.

– А! Кто-то обрюхатил, а на меня повесить хочешь! Не выйдет! Шалава! Если моей жене хоть слово скажешь, урою! Поняла меня, тварь? Поняла?!

– Тебе жить надоело? – зашипел Богдан, выволакивая урода на лестничную площадку. – Детей сиротами оставить хочешь? – справиться с тщедушным

гостем, не ожидавшим сильного напора, оказалось легче, чем ожидалось.

Богдан перегнул почти не сопротивляющегося парня через перила, наглядно демонстрируя – одно движение, и его мозги со ступеней первого этажа будет собирать команда дворников.

– Ты хоть понимаешь, за кого вписываешься? – просипел взъерошенный красномордый парень, когда Богдан отпустил его, и тот успел сбежать на один пролёт. – Она же лядь похотливая.

– Я знаю, что у меня хватит возможностей найти тебя, устроить сладкую жизнь, а потом закопать в лесу Подмосковья.

– Да, да... да я! – взгляд незваного гостя бегал по Богдану, тот знал, что он видел.

Положение обязывало Богдана, он не ходил на работу в чём попало. Костюм недемократичного бренда, обувь, часы, на стоимость которых можно купить автомобиль. Когда бизнес, того и гляди, пойдёт под откос, невозможно позволить себе выгладеть, как менеджер среднего звена или экспедитор. В Хакасии Богдан мог ходить в кэжуале, в Москве – нет.

На прыщей, вроде того, что сбежал по лестнице, деловой имидж невольно производил впечатление. Опасение перед властью имущими у них бежало по венам, впитывалось с молоком матери.

Женя сидела на диване и беззвучно плакала. Сначала Богдан так решил – беззвучно. Через долю секунды понял – от истерики она может лишь открывать рот, звук пропал из-за спазма в горле. Неспешно, не понимая, видит ли она его, или перед глазами стоит та скотина, Богдан подошёл, осторожно притянул женщину к себе и начал успокаивать. Насколько мог, как умел.

Казалось, от всех слов, движений, колебаний воздуха Крош заходила в плаче сильнее и сильнее. Что делать с женской истерикой Богдан представлял, более или менее, но представлял.

Только беременную женщину невозможно встряхнуть в надежде, что от резкого толчка она придёт в себя. Пощёчина, холодный душ, секс исключались сразу. Уговоры не действовали, слова пролетали мимо крохотных ушей, увещевания отправлялись в ад. Успокоительные? Кто знает, есть ли они в доме, какие можно принимать беременным. Вызывать скорую?

Крош трясло, она захлёбывалась уже не в слезах, а в собственном дыхании. Руки, вцепившиеся в ткань платья мёртвой хваткой, казались неживыми, лицо побледнело до синевы, на шее выступали бледно-розовые пятна.

Чтоб всё отправилось в ад!

Рука Богдана скользнула по затылку Крош, пальцами он сжал, потянул волосы, заставляя её откинуть голову, выставляя вперёд маленький подбородок, беззащитно демонстрируя шею и бьющуюся синюю венку...

Женя всхлипнула, уставилась на Богдана, он вдруг заметил – глаза у неё зелёные, почти кошачьи, и в то же мгновение, не давая себе подумать, отступить, отказаться от безумной мысли – накрыл губами её губы.

Впился требовательным поцелуем, без прелюдий раздвигая женский рот настойчивым движением языка, завоёвывая пространство с агрессией захватчика. Крош замерла, резко вздохнула носом, издала неясный звук и скользнула языком навстречу, податливо принимая напор целующего.

Короткий, безумный миг, переросший во что-то большее, неясное, на разрыв шаблона и аорты. Богдан открыл глаза, впился взглядом в зажмуренное лицо Крош, почувствовал лёгкое скольжение рук на своих плечах и ошеломляющий отклик на взрывной, спонтанный, жёсткий поцелуй.

Твою мать...

Пришлось ослабить напор, выпустить прядь волос, осторожно отпрянуть, не сводя взгляда с порозовевшего личика Крош. Она глубоко дышала, рот остался приоткрытым, глаза распахнулись, осознанно смотря на Богдана, и только ямочки на щеках спрятались, словно в стеснении.

– Крош... это... Прости. Я действительно не знал, как тебя успокоить.

– Понимаю.

– Это ничего не значит.

– Естественно, ничего не значит, – как робот ответила Женя, моргая, как перепуганная сова.

– С тобой всё хорошо? Живот не тянет, не болит?

– Всё хорошо, – Крош обвела взглядом помещение вокруг себя.

– Он ушёл, больше не вернётся, – поспешил уверить Богдан. – Если будет необходимость, найму охрану.

– Не будет. Я пойду, ладно? – она тяжело поднялась, потопталась на одном месте. – Со мной всё хорошо. Ужинай без меня, – Богдану показалось, Женя вздрогнула, готовясь снова заплакать.

Удостовериться ему не дали, Крош ушла к себе, пресекая путь щелчком защёлки межкомнатной двери.

Твою мать...

Глава 17

Алина сидела в приёмной, сливаясь с окружающей обстановкой. Вопли Павла Петровича слышали, кажется, даже на улице при закрытых окнах. В приёмной же, как и на всём этаже, тряслись стены от ора начальника.

Богдан сдерживался, сверля взглядом пейзаж за окном. Смоклое небо, угол крыши соседского дома, серый фасад, отблески уличных фонарей, отсвет проносящихся автомобилей, блики светофоров. Вчера выпал первый снег, к утру

растаял, оставляя грязные лужи на асфальте и размокшие газоны.

Женя вытащила его гулять почти в одиннадцать вечера, решительно заявив, что на первый снег она посмотреть просто обязана. От души выматерившись про себя, он побрёл во двор изображать кипучую радость от блёклых осадков, покрывающихся смогом ещё до того, как укроют землю.

Естественно, он мог не ходить, Женя не просила составить ей компанию. Увидев человека-кита, натягивающего куртку в прихожей, он пошёл во двор любоваться снегом, радуясь про себя, что напряжение, повисшее после злосчастного поцелуя, наконец-то стало спадать.

Тогда он полночи не спал в надежде вернуть мозг на место, выходил курить на лестничную площадку. Отправился в бар в соседнем доме, пропустил пару бокалов светлого пива и только усилием воли заставил себя вернуться домой, лечь спать. Напряжённый рабочий график, ходить с мятой от недосыпа и алкоголя мордой Богдан себе не позволял.

Москва не Хакасия, где он сам себе хозяин. Брату – партнёру по бизнесу, – безразличен дресскод, хоть в трусах поверх калош ходи, работникам так же. Кони отвечали взаимностью на искреннюю привязанность, несмотря на непрезентабельный внешний вид Усманова.

Казалось бы – поцелуй. Богдан не мог вспомнить, скольких женщин целовал за тридцать пять лет жизни. Он толком не помнил, со сколькими проводил ночи, что говорить о поцелуях. Не нуждался в них, считал лишними. Женщинам, как правило, хотелось, если необходимо – целовал. Иногда нравилось, не железный же он, рот – эрогенная зона, в конце концов. Короткий миг с Женей выбил почву из-под ног, вышиб дыхание. Усманов словно с бетонной стеной столкнулся на скорости. За мгновение возбуждение достигло едва ли не пика, чуть не взорвались яйца, а следом мозг, отказывающийся принять то, что чувствует тело.

Женя умела целовать в ответ. Именно в ответ, и именно так, как надо Богдану – жадно захватывая то, что дают, подчиняясь напору и агрессивным движениям языка. Вот его и повело, как малолетку при просмотре порнухи. Не в Крош же дело?

Да чёрта лысого там! Не может быть! Не могло его впереть от чужой беременной, абсурд. Богдану необходим нормальный секс. С оттяжкой, до сбитого дыхания, пота, усталости, а не елозить в вагине, согласной потерпеть. Умелый, обжигающий поцелуй сработал, как команда «старт», в кровь вспрыснулась похоть, запуская процесс бурлящего желания.

Хотел снять первую попавшуюся девку в баре, благо выбор был. Остановился на невысокой рыжеватой девице, назвавшейся Дарьей. Отвезти в гостиницу, заправить член в согласный рот ещё в такси. Вовремя затормозил, приключений в кабинете венеролога ему сейчас и не хватает. Вернулся домой из бара, передёрнул перед сном, утром ушёл на работу, пока Женя спала. Вечер провёл с Лизой, выбивая из себя зудящую, невыносимую похоть.

Приехал домой ночью, Крош по обыкновению строчила на машинке.

– Привет, – он сдержанно поприветствовал зардевшуюся Женю. – Как ты себя чувствуешь? – днём он несколько раз звонил, интересовался самочувствием, делами, не появлялся ли вчерашний гость. Последнее его интересовало в самую первую очередь. Если прыщ ещё раз появится на глаза Крош – Богдан его сотрёт с лица земли.

– Всё хорошо, – Женя сжалась, Богдан вздохнул, сел рядом на диван, посмотрел внимательно на лицо хозяйки комнаты. Под глазами тёмные круги, отёчность, брови хмурит, от чего хорошенькое личико теряет треть очарования. – Крош, я ещё раз прошу прощения за вчерашнее.

– Я не злюсь, – она опустила взгляд, видимо обивка дивана была интересней извиняющегося Богдана. – Спасибо, что выставил Виталика.

– Не за что, – Богдан кивнул, открыл бутылку с минералкой, в горле неприятно запершило. «Виталик» – Так Витальевичем будет? – сказал, посмотрев на живот, просто, чтобы хоть что-то сказать.

– Крайнюю плоть ему на воротник, чтобы шея не потела, а не Витальевича, – пробурчала Крош. Богдан подавился водой, с трудом откашлялся. С ума сойти! Конюхи выражаются менее экспрессивно.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/romanova_nataliya/mozhno-tebya-navsegda

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)